

Журнал “Скерцо” Ноябрь 1993

scherzo

REVISTA DE MÚSICA
Año VIII - N° 79 - Noviembre 1993 - 600 ptas.

dosier:

CLAUDIO MONTEVERDI

encuentros:

ANGEL MARTIN POMPEY

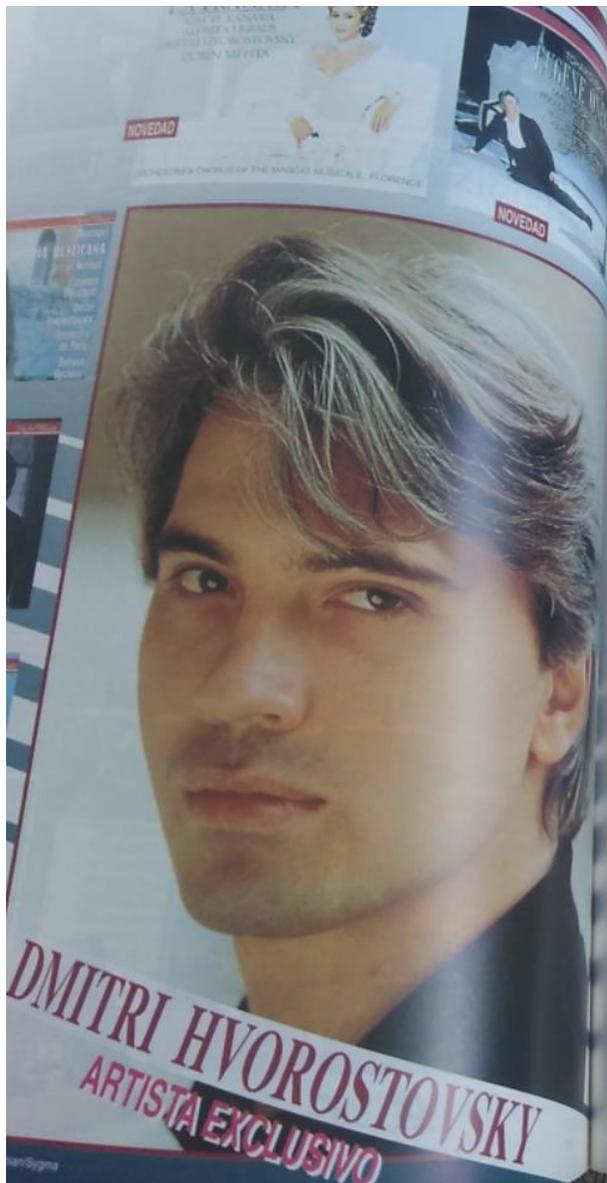
retratos:

JOHN ELIOT GARDINER

DMITRI HVOROSTOVSKI

El delfín

Dmitri Hvorostovski: una carrera meteórica

FOTO: FRANÇOIS ROUSSILLON

Después de ganar los concursos de canto de Toulouse (1988) y Cardiff (1989), la carrera de este joven barítono ruso, que surgió de las frías tierras de Siberia, ha tenido un rapidísimo desarrollo, tanto en el ámbito teatral como en el discográfico. Su voz lírica se impone por su gran belleza y penetración, a la que une una técnica cuidada y un estudiado fraseo, y a pesar de la meteórica carrera y del lógico cansancio que su vida ajetreada lleva consigo, que surge en algunos momentos de esta entrevista realizada días antes de su recital en Barcelona, reaparece siempre el cantante joven, valiente y decidido, al que su fortaleza le permite superar el precio de la fama.

Журнал Скерцо (Испания) , ноябрь 1993 года

Дмитрий Хворостовский. Головокружительная карьера

После побед на международных конкурсах исполнителей в Тулузе в 1988 году и в Кардиффе в 1989-м карьера этого молодого российского баритона, возникшего из холодных сибирских земель, получила невероятно быстрое развитие как в театральном аспекте, так и в звукозаписывающем. Его лирический тембр не оставляет равнодушным из-за изумительной красоты и проникновенности, к чему добавляются отточенная техника и выработанная дикция произношения, и несмотря на головокружительную карьеру и логичную при этом усталость, которой есть место из-за такого ритма жизни и занятости, иногда выдаются такие вот моменты тишины и отдыха, в который и была записана эта беседа, за день до его концерта в Барселоне. Возник передо мной молодой, энергичный, мужественный и уверенный певец, чей внутренний стержень позволяет ему без проблем нести вес свалившейся на него славы.

Скерцо: По нашим данным, Вы родились в 1962 году в Центральной Сибири. Какие музыкальные корни имеет Ваша семья?

Дмитрий Хворостовский: Моя семья имеет приличное музыкальное образование, я вырос среди музыки, слушая репетиции моего отца, вокальные распевки, играя на фортепиано Рахманинова, Чайковского, Листа и Шуберта, и тем самым, когда я запел, у меня не было никаких проблем, т.к. это сидело во мне как нечто естественное и натуральное.

Скерцо: Вы учились по классу фортепиано в музыкальной школе, и в 1982 году Вы поступили в Академию Искусств. Какие воспоминания у Вас остались о той эпохе, в частности, о Вашем учителе Екатерине Йофель?

ДХ: Это магическая персона, она некрасива внешне, но она потрясающий человек. Я не знаю, как её описать, но я ей очень благодарен, т.к. она сделала из меня человека и научила вокальному искусству, но её главная заслуга - это то, что она превратила меня в настоящего музыканта. Она научила меня не исполнять даже простые гаммы без эмоций, я должен был репетировать простые и гармонические гаммы. Не могу передать, но она имела гипнотическое влияние, и даже сейчас я не мог бы точно сказать, что она сделала со мной и как у неё получилось превратить меня в то, что Вы видите перед собой.

Скерцо: Четыре года спустя Вы попали в труппу оперного театра города Красноярска. Что Вы там исполняли?

ДХ: Вначале мне доверяли только второстепенные роли, в декабре 1985 года я исполнил Марулло из "Риголетто", с этого момента у меня появились новые возможности играть заглавные партии и сценически познакомиться с новыми персонажами, подготовиться и приобрести новый опыт и мастерство.

Скерцо: В 1987 году Вы выиграли первую премию на конкурсе Глинки, повторили этот успех в 1988 году в Тулузе и в 1989 году BBC Cardiff Singer of the World. Какое влияние оказали эти победы на Вашу карьеру, и как Вы определили бы функциональность подобных соревнований?

ДХ: Для меня это было тогда крайне важно, т.к. я вырос и приехал из далёкой провинции и не имел никакой другой возможности показать себя. Понятно, что эти конкурсы стали незабываемыми моментами для меня, особенно Кардифф, т.к. это открыло двери для моей карьеры и моей жизни. Зная свой характер, я чувствовал себя спортсменом, мне не было важно ничего, кроме победы, за мной не стоял никто, никакой протекции, ничего, никого. Возможно, это стало причиной, по которой морально мне было легче, чем кому-то другому.

Скерцо: В декабре 1989 года Вы дебютировали в Wigmore Hall, в марте 1990 года в Нью-Йорке, и начинаете международное сотрудничество с театрами, впервые появившись в театре La Fenice в Венеции в постановке "Евгения Онегина", его же Вы повторили на следующий год в Париже в театре Chatelet, также Ваша работа в лондонском Ковент Гардене. Чем Вы объясните столь стремительное начало?

ДХ: Это было стартовое преимущество, начать карьеру вот таким быстрым образом, т.к. во мне сидела огромная уверенность в себе. Но я понимаю сейчас, что возможности, которые у меня появились после Кардиффа, без победы там мне бы понадобились 20-30 лет работы, чтобы достичь того, что я могу иметь сейчас. Используя яркое стремительное начало, я сделал это залогом превращения моих мечтаний в реальность.

Скерцо: Это положительно для певца - стремительная карьера?

ДХ: Каждая ситуация и жизнь уникальны, на моём примере, возможно, только одна сторона, что может происходить с молодым исполнителем, поэтому, что касается меня, я должен был идти по тропе моих мечтаний и планов и быть внимательным. Это достаточно сложный вопрос. Я должен удерживать планку, которую задал себе, на таком уровне, чтобы и не упасть, и не сделать шаг назад. Это одна из главных причин, чтобы продолжать развиваться на этой высокой скорости. А там поживем-увидим.

Скерцо: 17 апреля 1991 года Вы выступали в театре Лисеу в Барселоне, участвуя в опере "Паяцы" в роли Сильвио, впервые исполняя произведение на итальянском языке. Каковы Ваши воспоминания о том выступлении и Ваше собственное представление этого персонажа?

ДХ: Я помню очень хорошо замечательные дружеские отношения с Джузеппе Джакомини, моим партнёром, также вспоминаю теплую и симпатичную публику в Лисеу.

Скерцо: Ваши звукозаписывающие работы впечатляют несмотря на Вашу молодость. Вы уже успели записать "Сельскую честь" с парижским оркестром под руководством дирижёра Семена Бычкова и три индивидуальных диска: один - с романсами Рахманинова и Чайковского, другой - с оперными ариями, и последний - с русскими народными песнями. Ваши впечатления об этих записях?

ДХ: Я прекрасно помню об этом, некоторые из этих записей я сделал слишком рано, например, "Сельская честь". Одна из причин, почему я сделал это, был уже подписанный контракт, всё уже было спланировано, а так бы я уверен, что отказался бы от участия в этой опере из-за того, что партия Альфио написана для более сильного, низкого баритона, более мощного. Традиционно эта роль исполнялась более взрослыми и опытными баритонами, такими, как можно услышать в других версиях - Джесси Норман и Джузеппе Джакомини. Другие записи по-настоящему замечательные, т.к. позволили мне реализовать мои планы и цели на тот момент. Я доволен. Романсы Рахманинова и Чайковского, русский фольклор, арии Чайковского и Верди. Я считаю, что мне повезло.

Скерцо: Из Ваших последних ролей выделяется партия Жоржа Жермона в "Травиате" Верди. Что Вы чувствуете, играя персонажа в возрасте, будучи молодым человеком, и возникали ли у Вас сложности в интерпретации этого героя?

ДХ: Никаких сложностей, т.к. я привык исполнять отца Жермона в моём родном театре в Красноярске, традиционно этот персонаж был отдан более лирическим баритонам, и я его перепел около ста раз. На сцене я ощущаю себя по-иному, т.к. помогают гримеры превратиться в более возрастного героя, также посредством одежды, обуви, в которой ты вынужден передвигаться как старик.

Но в звукозаписывающей студии нужно думать о вокале, чтобы передать все интонации и переживания, присущие этому персонажу, Жермону. Зубин Мета мне лично очень-очень помог, мы работали рука об руку, и Альфредо Краус тоже, он мне посоветовал некоторые технические трюки, и помогал с итальянским произношением, т.к. я не итальянец. Кири Те Канава продемонстрировала, что такое настоящий наглядный пример в звукозаписывающем искусстве, она концентрируется полностью, и в то же время очень дружелюбна и добра с партнёрами, это была невероятно тёплая компания.

Скерцо: Также Вы записали "Евгения Онегина". Это Ваша лучшая роль?

ДХ: Ответ будет коротким: нет.

Скерцо: Какие звукозаписывающие проекты у Вас сейчас на горизонте в планах?

ДХ: В Лондоне в феврале романсы Рахманинова, Чайковского и Римского-Корсакова, и пока более ничего на данный момент. Я немного устал от записей.

Скерцо: Вам интересно бельканто?

ДХ: Да, мне интересно, т.к. это очень здоровая правильная музыка.

Скерцо: Верди называл себя отцом баритонов. Как Вы видите это в перспективе?

ДХ: Мне кажется, замечательно, я влюблён в его музыку. Я бы его назвал отцом теноров, сопрано и меццо-сопрано, это отец всех тембров, включая и баритоновый.

Скерцо: Каких композиторов Вы предпочитаете?

ДХ: Чайковский, Рахманинов, Шуберт, Малер, Мусоргский...

Скерцо: Каких персонажей у Вас есть идеи включать в свой репертуар в будущем?

ДХ: Все возрастные персонажи сидят у меня в голове и мечтах. Будь то Риголетто, Макбет и даже Борис Годунов, и хотя я понимаю, что никогда не смогу его исполнить, мне очень нравится эта музыка. Вообще-то, в оригинале она была написана для баритоновой тесситуры.

Скерцо: Как Вы планируете и внедряете в жизнь каждого своего нового персонажа?

ДХ: Это достаточно сложный процесс. Я не живу в одном месте, постоянно передвигаюсь, путешествую, и моя подготовка обычно имеет место быть в самолётах, в гостиничных номерах. Обычно я работаю с аудиоплеером. Это моё слабое место. Я только могу мечтать об удобном месте работы, студии, кабинете, это всё остаётся в мечтах, в жизни всё совсем иначе...

Скерцо: Ваши любимые исполнители?

ДХ: Каллас, например, Тито Гобби, Этторе Бастианини.

Скерцо: С какими дирижёрами Вы работали чаще других и почему?

ДХ: Мне очень нравилось сотрудничество с Седжи Озава, но об этом я понял спустя несколько месяцев после окончания работы с ним в "Пиковой даме". Вначале я был поражён, во время репетиций он сводил меня с ума, прося у меня какие-то несусветные вещи, я называл его компьютер. Я старался спеть эту роль на свой манер, немного иной, с личной изюминкой. Во время репетиций он был удивлён, чего я хочу достигнуть как артист. Я не сумел объяснить ему мой стиль пения, потому что это достаточно уникально, манера исполнения на сцене каждый раз своя и неповторимая, и это невозможно объяснить словами. Я никогда не слышал более потрясающую постановку музыки Чайковского, с совершенно иным видением и прочтением, но я понял это позднее, а во время работы с ним был удивлён и не думал, что получится так хорошо, как в конце концов получилось.

Скерцо: Сегодня сценический директор имеет определённое превосходство. Ваше мнение по этому поводу и как это влияет на Ваше видение персонажей?

ДХ: Мы находимся в совершенно другой ситуации, не знаем, кто будет директор, ни каким будет его личное прочтение и видение оперы, узнаем о составе, дирижере, месте работы, но понятия не имеем о самой постановке, и это мне кажется большой проблемой, т.к. если бы мы познакомились бы хоть отдаленно с деталями будущей оперы, могли бы составить мнение, нам не дают вмешиваться никак в сценическую часть. Мы самые обычные рабочие, труженики, и увы, я никогда не работал с удовольствием с режиссёрами и директорами.

Скерцо: Каким, как Вы думаете, должна быть эволюция баритонового вокала, повлияет ли это развитие на Ваш будущий репертуар?

ДХ: Что касается репертуара, я придерживаюсь классического пути. Это было написано много лет назад, это классика жанра. Наверное, должна быть какая-то эволюция, развитие в манере пения, в подаче на сцене в актёрском плане, это верно. Рутинная опера может стать достаточно скучной, жанр потеряет свою публику, и нужно постоянно находить новые идеи. Мы молоды, и наше, моё, поколение станет ответственными за рождение этих новых идей, нужно будет бороться за них. Вопрос - прав ли я? Думаю, несомненно.

Скерцо: В ваших появлениях Вы чередуете оперные постановки и камерные концерты. Вам интересен именно такой график выступлений или Вам хотелось бы сфокусировать его в несколько ином виде?

ДХ: Мне хотелось бы стать фермером, т.к. я сейчас очень устал от моей работы и карьеры, на меня навалилось слишком много обязательств.

Скерцо: Компенсируют слава и деньги?

ДХ: У меня нет алчности к деньгам.

Скерцо: Певец, по-вашему, должен петь головой или сердцем?

ДХ: И разумом, и сердцем, обе составляющие должны присутствовать. Всегда что-то теряешь, когда забываешь об одной из них.

Скерцо: Как Вы определили бы Вашу вокальную технику?

ДХ: Это не я должен определять, это работа критиков. Я ненавижу свой собственный голос и тем самым не являюсь оптимистом на этот счёт.

Скерцо: Какие советы Вы бы дали начинающим исполнителям?

ДХ: Боже мой, я слишком молод! У меня нет никаких советов.

Скерцо: Вы собираетесь петь Дон Жуана в Зальцбурге в 1994 году. Что Вы можете сказать об этом?

ДЖ: Мне кажется, что я разорву этот контракт на участие, т.к. это слишком рано для меня в вокальном смысле. Ещё один кандидат на исполнение мог бы быть Фигаро из "Севильского цирюльника", это было бы неплохо.

Скерцо: Какие выступления Вам предстоят в будущем?

ДЖ: Я выполняю график, рассчитанный на этот год, программа очень хороша. Помните, завтра я пою в театре Лисеу, буду исполнять "Вильгельма Телля" и "Пуритане", потрясающе красивая музыка. Но тема отцов и детей мной не до конца прочувствована, т.к. я не отец, я не был в ситуациях, когда нужно спасти или навредить своему сыну... А в душе я хочу быть фермером. Я купил землю и очень желаю смочь работать на ней.

Скерцо: У Вас есть планы в Испании?

ДЖ: Уверен, что да, но не помню конкретных дат, мой агент в курсе. У меня в голове держатся самые ближайшие по времени выступления: Париж, после Москва, позже Милан Ла Скала, Америка... Я мечтаю об отпуске, т.к. я слишком устал, мне реально опротивела моя работа...

Альберт Виларделл.

Барселона 29 января 1993 года

Дельфин

Нелегко вырисовывать законченный профиль звезды, которая только что взошла, он слишком молод, его карьера насчитывает лишь четыре года. Речь идёт о талантливом российском баритоне, которому и посвящена эта статья, и который требует всё более пристального внимания СМИ как из-за его оперных постановок, так и дискографических частей.

Его возникновение было неожиданным, почти взрывным. Много лет в певческом мире не случалось появления феномена подобного масштаба, такого голоса, такого голоса баритона законченного и развитого. Он совершил очень быстрый скачок, из ледяных

сибирских земель до запада. В большей степени благодаря его появлениям и победам на конкурсе в Тулузе в 1988 году и на конкурсе в Кардиффе в 1989-м, тут же весь мир начал говорить о Дмитрие Хворостовском, агенты наострили зрение и слух, и звукозаписывающие студии начали забрасывать свои сети (рыбку поймала фирма Филипс). И с надеждой, что тому есть серьезные предпосылки, и что он собирается быть фигурой эпохи (если у него дела продолжат идти также хорошо, как сейчас), рассмотрим возможные нюансы, которые относятся к феномену этой природы и возраста.

Блестящее начало

Родился Дмитрий в 1962 году в Красноярске, в Центральной Сибири, сначала учился по классу фортепиано в детской музыкальной школе и чуть позже хоровому дирижированию в педагогическом училище. В 1982 году в Академии Искусств там же в Красноярске прикоснулся к секретам вокального искусства с Екатериной Константиновной Йофель. Четыре года спустя он уже был солистом местного театра оперы и балета. В 1987 году выиграл свою первую премию на национальном конкурсе Глинки, то, что его воодушевило на участие в международных соревнованиях подобного рода, с великолепными результатами, о которых мы уже упомянули выше. Дебютировал в декабре 1989 года в Wigmore Hall в Лондоне, в марте 1990 года в Alice Tully Hall в Нью-Йорке. "Новый баритон выдал одни из самых красивых и выразительных звуков, какие только можно услышать в человеческом голосе..." - написала тогда о нем одна из газет города небоскрёбов.

И вот мы имеем этого молодого сибиряка, удобно расположившегося в месте, близком к вершине славы. Его подъём вверх не кажется на первый взгляд достаточно сложным и трудным, если вспомнить о почти полном отсутствии в настоящее время баритоновых голосов. Его место иногда бывает занято вокалами с теноровыми оттенками в тембре, но более или менее замаскированными мрачными низкими нотами сомнительного качества и ценности, и которые пытаются безуспешно заменить плотные, мощные, наполненные и цельные баритоновые интонации, так замечательно представленные певцами прошлых десятилетий, эпохи, которая уже вряд ли сможет вернуться снова...

Пока же мы должны радоваться и ликовать - добро пожаловать! - таким голосам, как эта русская лампада, иллюминация, свет, который, кстати, ещё не достиг своего зенита и который ещё не стряхнул с себя некоторые стереотипы, и в том, что касается итальянского репертуара, должен поработать над произношением и экспрессией, чтобы найти путь к подходящему сцеплению фраз и как следствие, нужной интерпретации. Но то, что уже сейчас нам демонстрирует Хворостовский посредством записей, которые продаёт Филипс, уже очень неплохо и даже грандиозно, и достойно, что быть комментированным и выделенным.

Тембр и интенсивность

На самом деле мы находимся перед богатым, сочным, ярким звучанием вокала, согласно всем канонам оперного пения. Талантливый в гармоническом плане, невероятно сбалансированный, лирического характера, живой, молодой, звенящий, а не переодетый тенор из-за достаточного количества низких густых тонов. Содержимое голоса аристократично, полно, нужной плотности; диапазон велик, высокие ноты легки и отработаны и squillante (итал. звучный, звучащий) звучит естественно и натурально. Выброс звучания правильный, имеет особенность, часто выраженную именно в славянских голосах: ищет лицевые и грудные резонансы, черепное эхо, поддержку в согласных, иногда чрезмерно затяжных. Это придаёт ему очень специфический гортанный оттенок, который отличает его и привносит в него индивидуальность и даже сладость в моменты лирической выразительности, которыми баритон часто пользуется; и в то же время исполняет в проекции высоких нот, очень цветных и ярких, которые имеют тенденцию при произвольном сужении гортанных протоков задуть и глушить себя, в издании серьёзных, звучных и достаточных нот, для голоса с этими характеристиками. Мы не учитываем (это относительно не критично), удары голосовой щели, усиливающие напор идущего звука, которые обычно точны сами по себе и которые таким образом кажутся наиболее материальными и определёнными, и это способствует установлению всегда непростых соединительных нитей между слоговыми составляющими и нотами ради достижения желаемого и нужного легато, рабочей лошадки любого правильного вокала.

Хворостовский использует это в нужном направлении, хотя ему пока ещё не хватает часов репетиций, чтобы дать максимальную обоснованность и получить, например, когда этого требует случай, исполнение *spiniato* без проблем (*spiniato* - итал. просто, естественно, без аффектации).

Дмитрий имеет завидное *fiato* (итал. дыхание). Это высокий, стройный, но очень сильный мужчина, что позволяет ему петь совершенно комфортно длинные фразы, регулируемые им в общем с успехом и аккуратностью, и это частично маскирует описанную ранее гортанную тенденцию, которая может способствовать продвижению некоторых громких звуков, не совсем чистых, испорченных контролем над дыханием (послушайте, к примеру, окончание арии *Di Provenza*).

В интерпретационном аспекте Хворостовский пока ещё далёк от идеала, всё же уже демонстрирует, опираясь на свои природные таланты, хорошо отточенное неплохое мастерство. Его итальянский ещё не так хорош, но он уже старается говорить на нем,

аккуратно и с бесспорной лёгкостью выговаривая фразы. Всё же он не выполняет некоторые цели некоторых своих партий: его Жермон слишком юн, слишком мальчишка, с совсем не драматическим акцентом, едва заметен контраст между ним и сыном, практически не отеческий профиль; его Альфио нам не кажется грубым сицилийским рабочим, умирающим от ревности, а больше просто молодым и восторженным местным жителем, далеким от любовных страстей и переживаний, которые впоследствии и перерастают в дуэль с Туридду.

Однако нельзя не высказать поклон баритону за расставление нужных акцентов в некоторых ариях Верди (Макбет, Луиза Миллер, Трубадур, чей Il Ballen замечательно выстроен с хорошими интонацией и дикцией), однако, в которых можно было бы попросить исполнителя о большем контроле интенсивностей, более тщательном фонемическом (фонемика- изучение звуков речи определенного языка) нюансе и более выраженном протяжном пении, иногда несколько ненасыщенном, кроме этого последнего речетатива и los parlati (итал. говорить, разговаривать), почти всегда присущих итальянцам, среди которых, как единственные родственники, в некоторых случаях, тембровые - можно было бы привести пример Бастианини и Брузона.

Совсем иное дело происходит в репертуаре его родной страны и языка, в котором Хворостовский выступает достойнейшим представителем и последователем наилучших русских традиций, имея голос более лирический и менее тёмный и мрачный, чем великие басы и басы-баритоны - Пирогов, Марк Рейзен, Петров, Ведерников...и превосходящий похожих по тембру баритонов, таких как Лейферкус, Чернов, Мазурок..Его исполнение роли Онегина можно назвать моделью, из-за натуральности произношения, вносимого в персонаж драматизма и многогранность, красоты вокала и внешней небрежной элегантности. Качества, которые уже замечательны сами по себе, и в большей степени даже, проявляются в романах Чайковского и Рахманинова или в волнующих и взбалмошных песнях русского народного фольклора, таких как "Очи чёрные".

Этот голос, который, однако, до сих пор формируется, но через самое короткое время превзойдет все наши наилучшие ожидания, есть материя, вокальное здоровье, условия, талант, энергия, все составляющие для будущего успеха.

Его голос - полноценный инструмент, в котором выделяется мощный звучащий центр прекрасной вибрации. Его человеческие качества как личности, судя по различным высказываниям в интервью, показывают и доказывают чуткое душевное начало и редкую интеллигентность. К примеру, взять тот факт, что, по его мнению, он ещё не дорос до роли Дон Жуана, что он должен работать и приобрести опыт, что он пока не находится в нужной кондиции, чтобы справиться с ним и извлечь всю красоту, скрываемую за его сложными пентаграммами. Техника, сила и стиль должны идти с ним рука об руку в помощь и к цели. В добрый путь!

Артуро Ревертер

Дискография, на момент написания статьи

Масканы "Сельская честь" с Джесси Норман и Джузеппе Джакомини, хор и оркестр Парижа, дирижёр Семён Бычков, 75'13, запись сделана в Париже в июне 1990 года

Чайковский "Евгений Онегин", с Нуччия Фочиле, Нейл Шикофф и Ольга Бородина, камерный хор Санкт-Петербурга, парижский оркестр, дирижёр Семён Бычков, 2СД, 141'25, запись сделана в Париже в октябре 1992 года

Верди "Травиата" с Кири Те Канава и Альфредо Краус, хор и оркестр Музыкальный май Флорентино, дирижёр Зубин Мета, 2СД, 128'59, запись сделано во Флоренции в ноябре 1992 года

Концерты:

Арии Чайковского и Верди, филармонический оркестр Роттердама, дирижёр Валерий Гергиев, 56'41, запись в Роттердаме февраль 1990 года

Романсы Рахманинова и Чайковского, Олег Бошнякович (фортепиано), 51'54, запись сделана в Лондоне июль 1990 года

"Очи чёрные", русские народные песни, фольклорный оркестр им. Осипова, дирижёр Николай Калинин, 55'50, запись в Москве в июне 1991 года.

Перевод с испанского Ирины Трушкиной